

The book cover features a dramatic, painterly illustration. The top half shows a knight on a white horse, brandishing a lance, amidst a chaotic battle scene with other figures and a dragon-like creature. The bottom half depicts a dark, stormy sea with a large, dark ship struggling against massive, turbulent waves under a dark, stormy sky.

Полина Вилюн

Упрямыцы

Совместить несовместимое

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Полина Вилюн

Упрямцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51598317

SelfPub; 2020

Аннотация

У всего на свете есть вторая половинка, единственная и неповторимая. Упрямая и своенравная. Совершенно не склонная считать себя всего лишь частью какого-то гипотетического целого. Наделённая же свободой воли и взрывным характером, такая половинка может заставить нервно курить всю Небесную Канцелярию. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Ирка с самого утра находилась в разобранном состоянии. В заурядном договоре с банком об оказании каких-то бытовых услуг внезапно где-то между строк оказался прописан кредит, первый платёж по которому только что автоматически списался с Иркиного тощего счёта.

Ирка предвидела войну, короткую и кровопролитную, этакий блиц-криг, из которого она по всем раскладам должна была выйти победителем. Все жалобы во все возможные инстанции были накатаны и отправлены, все соцсети были оповещены о случившихся вероломстве и подлости, и кипели от возмущения и сочувствия (с десятков мудаков, обозвавших её, Ирку, лохом, и заявивших, что «так ей и надо», строем отправились в бан), но сил просто сесть и спокойно ждать наступления высшей справедливости не было.

Хотелось действия. Хотелось ворваться в банк с плакатом, обличающим мошенников, и съёмочной группой, и слить всё веселье в ютьюб. Хотелось гласности и свободы слова. Хотелось орать.

Нестерпимо хотелось яркого, стремительного и неотвратимого возмездия – Ирка покосилась на приоткрытое окно, но все Бэтмены явно водились одним материком левее, а в окне обнаружился только пожилой дворник Савельич и кафе напротив, предлагающее каждую третью кружку жидкого гудрона, который они почему-то почитали за кофе, бесплатно. Героев на горизонте видно не было.

Ирка жила одна. Она была сильной и самостоятельной женщиной, и защитить её было некому.

Ирка оделась и, решительно хлопнув дверью, вышла в наружу. Наружа встретила её порывом ветра, который запросто мог бы оторвать и унести с дорожного полотна бетономешалку, полную бетона, не то, что субтильную Ирку. Но злость придала Ирке веса, и, врубаясь подошвами кроссовок в асфальт, она против ветра прошагала добрых полтора километра до центра, где её ждало кафе с нормальным кофе и булочкой с корицей.

Чувствуя себя немножко ледоколом и даже чуточку этим гордясь, Ирка вступила в царство тепла и вкусных запахов.

Булочка с корицей всегда умело справлялась с Иркиными невзгодами. Гораздо круче психолога, который после Иркиных визитов сам начинал остро нуждаться в терапии. Булочка не нуждалась ни в чём. За полчаса она примирила Ирку с неприглядной реальностью, ещё за полчаса – убедила, что всё не так уж плохо, а даже и хорошо. Рассказала, что Ирке давно уже была необходима встряска и выход из зоны комфорта. И что это, собственно, оно, – шанс на личностный рост, новые цели, преграды и рубежи, преодолев которые, Ирку настигнет наконец счастье и постигнет дзен. И это чистое незамутнённое добро, а вовсе никакой не ужас-ужас.

Прихватив с собой бумажный стаканчик с кофе, окрылённая Ирка валькирией выпорхнула из кафе навстречу стрессу, встряске и дискомфорту.

Клавдюшкина всегда защищали сильные и самостоятельные мама и бабушка. Сам он этого не умел. Поэтому, когда дверь кафе, сверкнув стеклом аки молния, сначала распахнулась прямо мирно идущему домой Клавдюшкину в лоб, а потом приняла его в свои объятия, обдав водопадом мелких неколких осколков вперемешку с горячим кофе-на-вынос, Клавдюшкин не был к этому готов. Он сначала растерялся, потом обиделся, а потом, когда кофе прожёл костюм, бельё и добрался до нежного Клавдюшкинского нутра, взвыл хоть и матерно, но очень жалобно.

Женщины в немного разобранном состоянии могут быть очень опасны, прежде всего, для самих себя. Иначе чем ещё можно объяснить то, что крохотная Ирка, едва достигающая в прыжке метра шестидесяти пяти и весившая практически ничего, волокла на себе почти двухметрового мосластого жалобно причитающего Клавдюшкина к Клавдюшкину же домой. Лечить нанесённые телу и самолюбию раны.

После того, как мелкие порезы лица и рук под негромкое шипенье Клавдюшкина были залиты перекисью водорода, встал вопрос, что делать с довольно обширным и довольно стыдным ожогом в самой середине Клавдюшкина, который Клавдюшкин, снабжённый бабушкиным воспитанием и мамиными принципами, целомудренно спрятал под полотенцем и наотрез отказывался показывать Ирке.

Глава 2

У Ирки никогда не получалось запомнить, чем можно ма-

зять ожоги, а чем ни в коем случае нельзя.

– Хэлло, Гугл! – сказала Ирка.

– Хэлло, Ирка! – радостно отозвался Гугл.

– Чем бы намазать ожог от горячей жидкости? – поинтересовалась Ирка.

– А что если подставить обожжённое место под струю холодной воды и держать, сколько терпения хватит? – предположил Гугл.

– Попробуем, – покладисто согласилась Ирка, и Клавдюшкин понёс показывать своё стыдное место крану с холодной водой.

– Фыр! – сказал кран и презрительно чихнул на Клавдюшкина эталонно рыжей ржавчиной.

Клавдюшкин сник, но Ирка не привыкла так легко сдаваться. При беглом осмотре холостяцкой берлоги Клавдюшкина, в холодильнике было обнаружено несколько двухлитровых бутылей с водой.

– Лей! – скомандовал Клавдюшкин, а потом поспешно добавил, – только отвернись сначала!

– Было б на что смотреть, – обидно осклабилась Ирка, но всё-таки отвернулась и даже честно не подглядывала.

Терпения хватило на три бутылки.

Только потом, сильно позже, Иркину голову посетила мысль, что беззащитный и жалобный, как новорожденный щенок, Клавдюшкин оказался на поверку хитрым пройдохой. Мог ведь вполне и сам поливать холодной водой свои

стыдные прелести, руки же ему не оторвало. А сердобольной Ирке, разобранной с утра, да ещё и чувствовавшей свою вину за содеянное, в какой-то момент полностью отрубил мышление и здравый смысл.

Смеялись. Мазали Клавдюшкина народными и аптечными средствами. Сначала чуть-чуть, потом размашисто, от души, не жалея средств. Ирка бегала в аптеку «за ещё».

Потом сидели на кухне, пили чай. Ирка – с медом, Клавдюшкин – с ибуметином. Ну, как сидели, – Ирку целиком проглотило глубокое кресло, оставив снаружи только голову и немножко рук, кружку держать, а Клавдюшкин, широко раскинув свои костистые ноги и как бы пытаясь обнять собой кухню, мостился самым краем обоих полупопий на углу высокого и нелепого дизайнерского табурета, шаткого даже на вид. Клавдюшкину было неудобно. (Гугл считал, что слово «удобно» будет неприменимо к Клавдюшкину ещё пару дней в самом лучшем случае. Про худший случай Гугл решили не спрашивать).

В какой-то момент Ирка вдруг осознала себя в чужой квартире наедине с незнакомым полуголым мужиком и решила, что, выходя так далеко из зоны комфорта, нужно обязательно разматывать за собой ниточку, чтобы найти дорогу назад, если в новой жизни вдруг не понравится. И послала папе смс с адресом Клавдюшкинской квартиры. Так, на всякий пожарный. Обеспечив себе какой-никакой тыл, Иркино сознание успокоенно вздохнуло и безвозвратно утону-

ло в теплых глубинах кресла.

Вернулось сознание утром.

С трудом продрав глаза, Ирка заключила, что стресс и перспективы личностного роста способны скосить неподготовленную женщину гораздо вернее, чем водка с пивом. Собирая хаотично раскиданные по малюсенькой комнате вещи и огибая попутно торчащие из простыней вездесущие Клавдюшкинские ноги, Ирка подобрала выпавший из брюк бейджик.

А ведь так и не познакомились вчера, – подумала Ирка, – на личности не переходили, вдруг оказалось, что местоимения «ты» вполне достаточно для полноценного общения.

– Клавдюшкин И. – доверительно поведал Ирке бейджик, блестя ламинированным бочком. – Самый Главный по Кредитам в Том Самом Банке, в котором у тебя, Ирка, дура набитая, теперь завелся и подрастает здоровенький и крепенький кредит. И, пониже, размашистая подпись, которую Ирка уже однажды видела и накрепко запомнила – такую витиеватую загогулину и захочешь забыть – не сразу получится.

От хлопка входной двери содрогнулись стёкла в дорогих стеклопакетах, подпрыгнул стоявший на столе тонкостенный итальянский стакан и спавший счастливым сном честного человека Клавдюшкин.

Сука! – вопили на Клавдюшкина с зеркала косматые чёрные буквы. Классики с красной помадой не получилось, так как из писчих принадлежностей в сумочке у Ирки обнару-

жилаь только тушь.

– Так даже страшнее, – решила Ирка.

– Хорошо, не убила, – подумал, окончательно проснувшись и обнаружив послание, Клавдюшкин, – а ведь могла во сне и подушкой придушить. Славная всё-таки женщина, – заключил он и поплёлся отмывать зеркало.

Глава 3

Ирка ворвалась в размеренные Клавдюшкинские будни, как сигнальная ракета в чёрную южную ночь – где-то грохнуло, жахнуло, всё враз залило цветным светом – и бесследно растворилось в окружающей темноте, оставив в глазах мельтешение ярких точек. Клавдюшкин был с детства привычен к своей ночи, неплохо в ней видел и ориентировался, особенно не переживал по поводу отсутствия света, а тут вдруг как ослеп. Разом. Раньше вокруг была темнота, а теперь вдруг не стало совсем ничего.

Ирка ушла, и через прореху, оставленную ей в мироздании, ушла Клавдюшкинская прежняя жизнь.

Клавдюшкин, не привыкший к неожиданностям и не знающий, как на них правильно реагировать, на всякий случай загрустил. Прибрал дом, помыл посуду, позвонил на работу, взял больничный, обещал зайти предъявить врачу свои травмы и принести справку. Работа была согласна отпустить И. Клавдюшкина и так, без справки. Работа даже посоветовала Клавдюшкину недельку отлежаться, благо не выбранных за год отгулов у него накопилось на некрупный отпуск. Клав-

дюшкин поблагодарил работу и повесил трубку.

Потом долго сидел напротив зеркала, вспоминал чёрные косматые буквы, водил пальцем по стеклу. Жалел, что стёр. Жалел, что не узнал ни имени, ни адреса, ни номера телефона. Не понимал, где искать. И как. И надо ли. Недоумевал, чем провинился. Иркино появление породило в Клавдюшкине больше вопросов и сомнений, чем предыдущие десять лет его жизни.

Пока Клавдюшкин грустил, его работа получала за него по шапке от Всяких Важных Инстанций и от Ирки лично. Иркин платёж вернулся на родной счёт, невесть откуда взявшийся кредит был аннулирован с извинениями и пламенными заверениями, что «больше никогда» и «виновные понесут заслуженное наказание». Ирка была в меру кровожадна и решила, что виновные, пожалуй, уже понесли всё, что были способны вынести. Смиловилась. Победно улыбнулась. И ушла.

Казалось бы, в этот момент пути Ирки и Клавдюшкина, нечаянно столкнувшиеся на мгновение, снова начали медленно, но неумолимо расходиться в разные стороны...

Ирка состояла сплошь из вихров, веснушек и ехидства. Она не просто была остра на язык, её языком можно было резать металл и плавить камень. Вихры – каштановые, дикие, всегда были настроены против. Из принципа. Стояли насмерть. С ними можно было либо смириться, либо снять под ноль, что Ирка периодически и грозилась сделать. Вес-

нушки же были крошечными, тёмно-коричневыми и очень интеллигентными. Собственно, они – это всё, что было интеллигентного в Ирке.

В отличие от Клавдюшкина у Ирки не было ни мамы, ни бабушки. Ирка с самого детства жила с папой. Папа воспитывал её сообразно с тем, как в его представлении выглядели гипотетические воспитанные девочки. Баловал, как умел. Иркины Аленькие цветочки принимали причудливые формы, часто хищные и плотоядные – дочкин террариум был предметом жгучей зависти городского зоопарка. Ирка клянчила анаконду, папа возражал, что такому зверю нужны вода, простор и движение, а у них дома уже есть один зверь, которому нужны простор и движение – и это папа.

К двадцати пяти годам Ирка умела вполне сносно стрелять – из духовой трубки, рогатки, пращи, воздушки и папиного пистолета, в том числе и по движущейся мишени, неплохо читала следы, метала ножи и дротики. Говорила на языке зверей – могла заклясть кобру, переубедить барана, взглядом и парой слов вернуть любой пьяной скотине человеческий облик. Однажды папа случайно забыл её одну на даче и уехал в командировку. Пятиклашка Ирка решила, что папа подарил ей праздник. Неделю выживала по принципу «богаты, чем Бог послал», добрый Бог послал чай в пакетиках, воду в колонке, плохо огороженные огороды вокруг и гостеприимную соседку.

Мастерски мухлевала в карты. Изобретательно матери-

лась. Случись война, иметь на своей стороне одну Ирку было бы если не полезнее, то точно веселее, чем десяток половозрелых мужчин-айтишников с виртуальным БФГ наперевес. Ирка с реальной рогаткой была куда убедительнее.

При всей своей нечеловеческой крутости Ирка была потомственной женщиной – визжала и лезла на стол при виде мыши (кормление той части Иркиного террариума, в чей рацион входили мыши, автоматически легло на папины широкие плечи. Вместо анаконды), падала в обморок при виде крови, и в тяжелые армейские ботинки или кроссовки носила розовые носочки с единорогами. Природа иногда приходила и брала своё.

Глава 4

Из прострации Клавдюшкина выдернул стук в дверь. Всем своим естеством он устремился на звук, уже рисуя в воображении вернувшуюся Ирку, но вчерашний кофе сработал как агент «оранж» в джунглях Вьетнама – верхний слой Клавдюшкина под его воздействием уже осыпался, а открывшаяся нежная мякоть была ещё очень ранима. Поэтому вместо того, чтобы метнуться к двери одним прыжком, как гордый гепард, пришлось позорно скакать хромым козликом. Не удосужившись заглянуть в глазок, Клавдюшкин рванул дверь на себя.

За дверью обнаружился здоровенный хмурый амбал.

– Григорий, – представился амбал, и, подвинув Клавдюшкина плечом, прошёл мимо него в квартиру.

– Иван, – запоздало ответил на приветствие Клавдюшкин.

– Иван, значит. Ну что ж, хорошо, – амбал окинул два метра Клавдюшкина оценивающим взглядом и угнездился в том кресле, которое вчера занимала Ирка, – ну, рассказывай... Иван.

Всё это очень, очень странно, – решил Клавдюшкин и судорожно сглотнул – воздух, вдруг ставший плотным и тягучим, застрял где-то в трахее по пути к лёгким и напрочь отказывался двигаться дальше. Вся Клавдюшкинская безмятежная, стратегически правильная и тактически безрисковая жизнь, начиная со школы и заканчивая вечером вчерашнего безумного дня, внезапно оформилась в прозу и неостановимым потоком слов выплеснулась прямо на вежливо слушавшего амбала. Рассказывал экспрессивно, помогая себе жестикуляцией и мимикой. Вскрикивал. Махал в воздухе руками. Пал на стул. Морщился. Вскрикивал опять. Постепенно слова закончились. Всё энергичное действие уложилось минут в десять, из которых больше половины времени и эмоций заняло описание событий вчерашнего дня.

Амбал рассматривал Клавдюшкина, как скелет какого-то редкого, давно вымершего динозавра, – абсолютно бесстрастно. Только его левая бровь, влезшая на лоб чуть выше правой, выдавала способность испытывать эмоции.

Клавдюшкин, не желая умирать раньше смерти, собрался с духом и поинтересовался:

– Григорий... Эээ...

– Петрович, – подсказал амбал.

– Григорий Петрович, а скажите, пожалуйста, вы, собственно, кто?

– Я – отец, – сказал немногословный Иркин папа, серьёзный учёный, немножко военный (потому что военные бывшими не бывают) и очень добрый в душе человек, и протянул Клавдюшкину руку, которую тот машинально пожал.

Григорий Петрович, как настоящий отец девочки, не знал, чего он боится больше, что его дочь не встретит своё счастье, или что встретит. Даже анаконда в качестве домашнего питомца пугала Григория меньше, чем потенциальный жених.

Ирка давно выросла, периодически в её жизни появлялись молодые люди. Но Григорию всё равно иногда снилось, как он вырывает свою крошечку из хищных мохнатых лап очередного воздыхателя. А потом вырывает сами лапы. Иногда во сне присутствовало ружьё. Иногда Григорий боролся со злом голыми руками. Иногда в сон вторгалась Ирка, и тогда у них случалась дуэль на ружьях, с целью выяснить, на чьей стороне правда. Из ружей никто не стрелял, бились так. Как на палках. Правда всегда оказывалась на стороне юркой Ирки. Ну, и папа поддавался, конечно.

Григорий Петрович был в командировке. Вернулся утром. Получил сразу ворох сообщений о пропущенных звонках, а среди них – смску с неизвестным адресом, и припиской «на всякий пожарный». Перезвонив и услышав ненавистное «телефон абонента выключен или находится вне зоны действия

сети», Григорий пошёл в гости. Сначала к Ирке, а потом, не найдя её дома, – к неизвестному адресу.

Ирка же с утра развила бурную деятельность. Злая Ирка физически не могла сидеть на одном месте. Да она даже дышать нормально не могла. Поэтому злость следовало выходить. Отвлечь. Перенаправить на что-нибудь.

Сначала она разбиралась с коварным банком. Потом встретила подругу. Подруга неслась по улице навстречу Ирке, сверкая новой улыбкой, новыми бриллиантами и новеньким чемоданом цвета испуганного лосося. Ирка помнила подругу в совсем другой комплектации, а в этой, новой, не сразу узнала. Сшиблись грудь в грудь, как настоящие кавалерийские кони. Чемодан сшибки не перенёс, его снесло на проезжую часть, где он пару раз перекувырнулся и застыл, горестно воздев к небу все четыре колёсика. У Ирки дела обстояли несколько хуже – её телефон, в котором заряда оставалось на 2 раза позвонить или один раз влезть в интернет, умудрился вырваться из руки, уйти в крутое пике и шваркнуться о булыжную мостовую. Гибель была дурацкой, преждевременной, но красивой.

Отряхнули чемодан. Пересчитали брильянты. Вытащили карточку из трупа телефона. Осели в ближайшем кафе перевести дух. Пока переводили, выяснилось, что подруга спешила в Грузию, к спонсору своей новой комплектации, солнцу, вину и весёлым гостеприимным грузинам, которые любят котов, детей и красивых женщин. Ирка сказала, что она

тоже любит котов и детей. И дома её ничего не держит. Совершенно ничего. В Грузию прибыли вместе.

Глава 5

Клавдюшкинская история общения с женским полом была краткой, чтобы не сказать конспективной. Но, как и любая история, оказалась написана кровью. В основном, кровью самого Клавдюшкина. И если во всех анекдотах притчей во языцех и, по совместительству, главным вурдалаком, является тёща, то в случае с Клавдюшкиным расстановка сил была несколько другой. Кровью, потом и слезами Клавдюшкина питались его собственные дамы – мама и бабушка.

Когда изобрели ядерное оружие, его сначала испытывали на полигоне – получилось много спёкшегося в радиоактивное стекло песка. Приёмная комиссия в недоумении пожалала плечами и заявила, что эксперимент нерепрезентативен – никто же не собирается бомбить песок, чтобы производить стекло. Дорого и муторно. Хотели эксперимент в реальную величину – чтобы сразу понятно. И самим понятно, и чужим понятно. Так появились Малыш и Толстяк.

Мама и бабушка Клавдюшкина были именно такой парой – и внешне, и по разрушительному воздействию на Клавдюшкинскую личную жизнь. Самое страшное, что они хотели добра. Если бы хотели зла, ещё можно было бы как-то спастись... А ещё у них была чуйка. Система самонаведения. На них трудились шпионы, нейронные сети и магия. Мама и бабушка никогда не бомбили в песок, и работали исклю-

чительно по мирному населению – они появлялись на горизонте тогда, и только тогда, когда их личный оракул предсказывал риск зарождения несанкционированных отношений в жизни любимого сына и внука. В остальное время сын и внук был счастливо предоставлен сам себе.

Совладать с боевым тандемом мамы и бабушки теоретически мог бы только дедушка. Но только теоретически. Дедушка Клавдюшкина был ловким троллем. Он никогда ни во что не вмешивался. Ценил жизнь. Считал, что «выживет сильнейший», «дорогу осилит идущий», и «всяк сверчок знай свой шесток». Употреблял по ситуации. Соблюдая нейтралитет, любил наблюдать за баталиями со стороны, подначивал, давал советы, иногда мог позвонить и предупредить о готовящемся вторжении. Если успевал. Бабушку ласково называл «Воеводушка моя». Бабушка млела. Дедушка кусал ус, чтобы не заржать. И молился, чтобы бабушка не узнала, что название советского ракетного комплекса РС-20 Воевода для стран НАТО звучит как SS-18 Сатана. Любил её.

Появление Ирки мама с бабушкой проморгали. Почуяли что-то, но не успели явиться поучаствовать. Пропустили. Клавдюшкину однажды в жизни просто случилось хорошо. Без последствий.

Главное, чтобы не успел привыкнуть.

Глава 6

Главный всегда и во всём любил парность, симметрию и логику. Единство и борьбу противоположностей. Никто не

знает, почему. А может он и сам не знает, просто нравится ему так. Если частица – то на тебе античастицу. Материя? Получите антиматерию. Чёрное? Белое! Левое ухо – правое ухо. И даже то, чего оказалось по одному, практически всегда можно было по оси симметрии разделить на две равные половинки. Ну, почти равные. А если вдруг нельзя, то это Главный не сам. Это ассистенты недоглядели. Или отошёл руки помыть, а творение вырвалось и убежало несимметричное.

От начала времён созданное было неприхотливо. Оно было всегда согласно со своей парностью и не выпендривалось. Противоположные полюса радостно притягивались, половинки мозга чудесно дополняли друг друга, ягодички своей парностью радовали глаз. Поодиночке было бы совсем не то.

Не всё парное выглядело одинаково. Иногда оно было парным не по виду, а по логике. Функционально. Маленькая серая птичка выбирала себе пару из больших и ярких птичек того же вида – но всегда по одним и тем же признакам. Самый красивый хохолок отрастил. Самый большой домик построил. Просто заклевал всех остальных претендентов. У кого как принято, но в общем правила всем понятны.

Вы удивитесь, сколько вокруг непарных вещей, которые на самом деле парные. Вы просто пары не видите, а она есть.

А тут однажды Главный сделал хитрое лицо, выгнал всех ассистентов и уединился. Все поняли – засел творить что-то новенькое. С изысками. Такие уединения часто заканчи-

вались громом, молниями, потопами и поганейшим настроением на ближайшую вечность. Сотрудники Небесной Канцелярии привыкли. Не мешали. Приносили чай с пирожными и оставляли у двери. Уходили на цыпочках.

Через некоторое время Главный вышел довольный, как слон (слон, кстати, вошёл в поговорку быстрее, чем в мир – сначала придумалось смешное круглое слово, а там и персонаж нарисовался под стать. Лепили всем офисом. Хотели оставить себе. Главный не разрешил, сказал – мешаться будет. Отпустили.)

Новенькие тоже были парными и достаточно симметричными. При беглом осмотре Канцелярия никаких таких уж выдающихся чудес в устройстве не обнаружила. Видали и заковыристее. Главный ничего не объяснял, ходил по офису, напевал и улыбался. Явно сочинил какую-то каверзу. И точно.

Новенькие оказались с прибабахом. Своенравные оказались. Теперь у Небесной Канцелярии только и дел было, что отлавливать упрямые половинки и сталкивать лбами. Скрещивать. Мухлевать. Уговаривать. Идти на лесть, подкуп и угрозы. Половинки имели мнение. Оказалось, что опция называлась "свобода воли". Канцелярия страдала и молила больше ни к кому такое не применять – не хватало никаких ресурсов, сил и нервов. Весь офис был занят новыми чудиками. Ждали отпуска, как манны небесной. (С манной, кстати, смешно получилось, в другой раз расскажу).

Главному нравилось страшно. «Ну, удивите меня» – теперь использовалось вместо приветствия. Канцелярия постепенно втянулась в процесс. Следили за самыми забавными. Делали ставки.

Ирка была всеобщей любимицей.

Ей досталась самая ядрёная свобода воли (явно со дна зачерпнули) – Ирка была вся наперекор и вопреки. И половинка ей досталась такая несуразная, что непонятно, как и приладить. Голову ломали все, включая Главного. И если любым другим созданиям можно было просто намекнуть, попросить или скомандовать (тут от куратора зависит, у каждого свой стиль), то вокруг чудиков выстраивался целый драматический театр. Серьёзная режиссура. Пахал отдел аналитики. Работала команда психологов. Строились декорации. Ситуации складывали всем офисом. Ирка била все рекорды. Выходила победителем из любых ситуаций.

Ставки росли. Кураторы менялись, становились всё круче и круче, но Ирка выкручивалась. Virtuозно.

Главный изъявил желание заняться ей сам. Еле отговорили. Желających ставить против Главного не нашлось бы.

Среди кураторов были и те, кто не выдержал, психанул и ушёл. Таких не держали.

Глава 7

Когда Ирка, выходя из кафе, открыла дверь в лоб Клавдюшкину, в Небесной Канцелярии случилась первая истерика.

Офис праздновал победу высших сил над упрямой человеческой половинкой, пел и немножко танцевал. Трое, ставивших на куратора, делили выигрыш. Праздновали. Все, кроме куратора. Он сидел в углу нахохленный, напряженный и сосредоточенный донельзя – слишком хорошо знал Ирку. Подозревал, что рано радоваться. И не ошибся (хотя иногда очень сложно определить, где заканчивается «предсказал» и начинается «накаркал»). Вторая истерика не заставила себя ждать.

Ирка летела в Грузию. Халифы-на-час Небесной Канцелярии угрюмо сдавали выигрыш.

Где-то между первой и второй истериками куратор с Главным переглянулись, и Главный кивнул. Куратор расправил плечи, выдохнул и загадочно улыбнулся.

Ирка блаженствовала. Грузия оказалась именно такой, какой её себе и представляла Ирка – домашней, неспешной и уютной. Гамак покачивался. Солнце грело. Птицы пели. Коты урчали. Незнакомые люди нестрашно приглашали в гости есть незнакомую еду и пить незнакомое вино. Никуда не нужно было бежать. Ничего не нужно было решать. Работа осталась дома. Все поводы нервничать остались дома. Кайф.

Ирки хватило часов на пять ничегонеделания. Вдруг, откуда ни возьмись, пришла мысль, что телефон не звонит совсем не потому, что она, Ирка, никому не нужна, а потому, что телефона у неё больше нет. Ирка выпуталась из гамака и пошла искать подругу.

Григорий Петрович и Клавдюшкин готовили ужин и мирно разговаривали. В процессе Клавдюшкин выяснил, что Ирку зовут Ирка. А Иркин папа с удивлением обнаружил, что долговязый и нескладный Клавдюшкин, неспортивный и смешной, обладает феноменальной памятью и неожиданной трезвостью суждений. Одинаково хорошо разбирается в истории, философии, биологии и физике. Знает несколько языков, читает и свободно цитирует классиков. И что при таком телосложении, какое досталось Клавдюшкину, реши он вдруг пойти в спортзал, из зала выйдет Терминатор. Или ещё один Иркин папа. А самое главное, пожалуй – этот учёный балбес искренне волнуется за Ирку.

Григорий Петрович знакомством остался доволен, но вида не подал. На всякий случай.

Приготовление ужина заключалось в том, что Клавдюшкин выудил из морозилки пачкупельменей с нечитаемым сроком годности (решили, что в условиях вечной мерзлоты даже мамонты неплохо сохраняются, не то, что пельмени, – а пельмени явно младше). Григорий пошарил в холодильнике и нашёл три банки кетчупа. Совместными усилиями выбрали из них один, который всё ещё пах кетчупом. Клавдюшкин покрутил в руках пачкупельменей. Почитал мануал. Сказал, что всё понятно. Налил в кастрюлю воды, довёл до кипения, добавил перец и лавровый лист. И пельмени. Когда пельмени всплыли брюхом кверху, вдруг понял, что забыл посолить. И посолил.

После добавления соли, вода внезапно вспенилась, вышла из берегов, и приготавливаемые пельмени дружно покинули кастрюлю, высадившись десантом прямиком на плиту. Мужчины не смутились. Выловили ренегатов в дуршлаг. Сполоснули. Высыпали обратно в пустую кастрюлю, залили кетчупом и съели. Двумя вилками. Прямо из кастрюли.

По поводу пропажи дочери Григорий Петрович собирался начать нервничать где-то часов через пять-шесть. Уяснив, что Ирке никто ничего плохого не сделал, успокоился. Темпераментом Ирка обладала взрывным. Предсказуемостью – нулевой. На что оскорбилась – никто не знал. Поэтому единственное, что работало – просто подождать, пока ей надоест злиться и захочется домой.

Звякнул телефон.

– Папка, привет! – сказала телефонная трубка Иркиным голосом, – У меня всё хорошо, не волнуйся. Я в Тбилиси, мобильник умер, домой буду через пару дней. Целую! Зайдешь покормить моих? Спасибо! Пока!

Выдав эту тираду на одном дыхании, трубка поперхнулась и закашлялась короткими гудками.

– У неё всё хорошо. Она в Тбилиси.

Глава 8

Ирка была фрилансером*. Этаким вольнонаемным копейщиком. Почти бродячим уланом. А если точнее, она была фрилансер-мультиаскер. Это не мат, если что. Это значит, что улан ещё не определился с тем, куда пристроить своё

копье. Поэтому брался за всякое-разное. Частенько одновременно. Копье – прекрасное орудие, просто подарок для мультитаскера – им можно защищать чью-нибудь честь, разгонять мятежные толпы и вскапывать огород. Если взять талец с красными веерами из тай-чи и заменить веер копьем, то представить действие, описанное в предыдущем предложении, не составит никакого труда.

Ирке всегда нравилось что-нибудь уметь. Поэтому она с удовольствием училась всему, а потом за нескромное вознаграждение с таким же удовольствием рисовала картины и логотипы, ваяла скульптуры и сайты, копирайтила и переводила на русский с любых языков, известных Ирке, Гуглу и Иркиным друзьям. Ирка была уверена, что ей по плечу абсолютно всё. А если не всё, то это она ещё просто всерьёз не бралась.

В вихрастой голове непрерывно роились мириады идей, начиная от личного заводика по производству парфюмов и заканчивая рейдерским захватом соседней галактики. Ирка понимала, что всё задуманное вряд ли сможет осуществить в отведённый ей скромный срок годности, но попробовать тем не менее намеревалась. Не пропадать же шикарным идеям. Ирка копила багаж знаний, выращивала круг знакомств – росла стопочка сертификатов о благополучном освоении азов всего на свете, множилась армия друзей и знакомых.

А ещё Ирка умела нравиться. Нравилась Ирка случайно, без разбору и всем. Ирку любили дети. И их папы. И даже же-

ны их пап. Обожали мелкие гады, живущие в Иркином террариуме, и гады покрупнее – собаки-людоеды, коты-социопаты, злобные соседки и госслужащие, вяжущие по вечерам носочки внукам из трофейных мотков человеческих нервов. Не старалась. Ничего для этого не делала. Просто жила. Из неё получился бы неплохой агент, работающий под прикрытием – резидент Ирка. Самые секретные секреты ей бы просто приносили, перевязанные бантиком, и умоляли принять в дар. За улыбку.

Клавдюшкин пал жертвой этой Иркиной особенности. Он не знал, что именно его скосило – голос, запах или интеллигентные веснушки, но выкинуть Ирку из головы не получалось. Особенно сложно было приступить к забыванию Ирки, когда её папа, болтая ногой в Клавдюшкинском тапке (или Клавдюшкинской тапке?), сидел напротив и молча рассматривал Клавдюшкина. Очень пристально. Клавдюшкин, придавленный взглядом, нервничал. Чувствовал себя мошенником, пойманным с поличным. Студентом-двоечником на сессии. Самозванцем. Григорий Петрович увеличивал интенсивность рассматривания. Клавдюшкин краснел, потел, страдал и нервничал сильнее (в науке это называется положительная обратная связь).

Григорий Петрович развлекался.

Он уже проинспектировал жилище Клавдюшкина на наличие книг. Обнаружил несколько стеллажей, плотно набитых научной, исторической, классической литературой. И

фантастикой, немножко. Книги были читанные, растрепанные, они пестрили закладками и заметками на полях. Григорий брал книги с полки наугад. Гонял Клавдюшкина по прочитанному. Услышанным удовлетворился. Теперь сидел и играл в гляделки – проверял крепость нервной системы оппонента. Клавдюшкин недоумевал, почему этот малознакомый человек позволяет себе его, Клавдюшкина, рассматривать. А главное – в каком качестве. Гадал, почему он, Клавдюшкин, позволяет с собой так поступать. Почему для него это важно. Ответа не нашёл. Решил, это судьба. Против судьбы не попрешь.

Иркин папа домой не спешил. Исследовал новую территорию и её фауну. Осматривался. Клавдюшкину на секунду даже показалось, что Григорий Петрович... обживался.

Клавдюшкин понимал, что выгнать Григория Петровича, если тот не захочет уходить, не получится (из уважения или из страха, это в данном случае не имеет значения). А если Григорий Петрович – это посланец судьбы, то указать ему на дверь – не просто стыдно и небезопасно. Это фатальный идиотизм. Летальный даже. Это объяснение моментально примирило Клавдюшкина с реальностью. Он возрадовался и стал думать, какую пользу можно извлечь из ситуации.

*freelancer (eng. *free* – свободный, *lance* – копьё) – наёмный работник, свободный художник.

Глава 9

Существует единственный способ наблюдения за невиди-

мым и управления неуправляемым – это воздействие не на сам субъект влияния, а на то, что его окружает. В случае со строптивыми людьми Главный использовал свой любимейший инструмент – Её Величество Случайность.

Оооо, я не знаю ничего могущественнее случайности, она способна порушить любой гениальный план, любую идеальную схему. Одна неверно поставленная запятая, один плохо вкрученный винтик, одна махонькая дырочка в системе безопасности... и река истории находит себе новое русло, а то и вовсе поворачивает вспять.

История Ирки и Клавдюшкина полна случайностей. Справедливости ради отметим, что не все они были на совести Небесной Канцелярии, некоторые являлись следствием обычной человеческой безалаберности.

Начать следует с того, что к Иркиному кредиту Клавдюшкин не имел никакого отношения. То есть абсолютно. Человек, делавший сотрудникам банка бейджики, умудрился перепутать примерно всё примерно всем, и единственное, что было правильно в Клавдюшкинском бейджике – это гордое «И.Клавдюшкин». Приблудные название должности и подпись Ивану не принадлежали, Клавдюшкин был мирным айтишником. Поэтому, получив горе-бейджик, Клавдюшкин просто сунул его в карман, собираясь попозже написать письмо банковским магам эксела и ворда, и выпросить у них нормальный, адекватный бейдж. И, конечно, забыл.

Обычно Клавдюшкин (и сотоварищи) засиживался на ра-

боте допоздна. Домой спешить было не к кому, а на работе всегда было, что делать. Доделывать. И переделывать. Пока охранник, обходивший этажи, не приходил на свет и не разгонял всех ночных тружеников по домам. Обычно. Но не в день знаменательной встречи с Ирккой. Совершенно случайно в этот день банк решил устроить День Спорта – праздник тимбилдинга и единения с коллективом. Единственный день в году, когда равенство и демократия достигали небывалых высот, начальство спускалось с Олимпа и ходило меж смертных. Клавдюшкин не очень любил людей, эстафеты и пить. Особенно эстафеты. Эстафеты были призваны развить в сотрудниках «чувство плеча». В реальности развивалось ещё и куча дополнительных чувств – чувство локтя, чувство колена и чувство кулака. Страдали рёбра, пах и все остальные примыкающие области. Айтишники откалывались от коллектива по одному. Тихо и незаметно утекали в кусты и больше не возвращались. Дезертиров никто не хватился – их не знали в лицо.

И последняя, самая важная случайность. Та самая маааахонья дырочка в системе безопасности, о которой не знают пока ни Ирка, ни Клавдюшкин.

Глава 10

Через обещанных два дня Ирка, вместо того, чтобы вернуться в родные пенаты, позвонила Григорию Петровичу и сказала, что задерживается на неопределённое время. Ирка с Грузией понравились друг другу. Григорий Петрович тут же

передал новость дальше. Клавдюшкину начали наяву мерещиться высокие белозубые грузины со смеющимися карими глазами, танцующие лезгинку вокруг хлопающей в ладоши Ирки. Клавдюшкинского терпения хватило ненадолго.

Григорий Петрович звонил днём.

Несколько часов спустя Клавдюшкин уже выходил из аэропорта в тёплую тбилисскую ночь.

У Клавдюшкина не было ни малейшего понятия, где искать Ирку. Он мог, конечно, выпросить номер телефона у Григория Петровича. Мог даже схитрить и уговорить его узнать Иркин адрес. Но Клавдюшкин лёгких путей не искал. И, если честно, побаивался, что, позвони он, Ирка пошлёт его куда подальше без объяснения причин. И будет обидно.

На улице у самого выхода из аэропорта на колченогом табурете сидел пожилой мужчина. Он был обильно усат, весел, округл и трезв. С любопытством посматривал на людей, появляющихся в дверях. Кому-то кивал. Кому-то улыбался. Кого-то провожал ленивым взглядом кота, лежащего на солнцепёке. Такой взгляд может означать всё, что угодно, от «шастают тут всякие» до «если меня спросят, то я вас видел». Больше градаций имеет только взгляд приподъездной скамеечной старушки.

Клавдюшкин прошёл мимо. Остановился. Вернулся.

– А скажите, пожалуйста, любезный, где в Тбилиси можно купить самые вкусные булочки с корицей? – мужчина (с карими смеющимися глазами из Клавдюшкинских кошмаров)

поднялся с табурета, оказавшись Клавдюшкину примерно по грудь, и внезапно сгрёб Клавдюшкина в то, что простые люди называют медвежьими объятиями, а борцы – захватом туловища спереди поверх рук.

Клавдюшкин не привык, чтобы незнакомые люди трогали его руками. Тем более так активно. Изумился. Но так как был хорошо воспитан, виду не подал. Здешних традиций Клавдюшкин не знал, а лезть в чужой монастырь со своим уставом был не приучен. Поэтому терпеливо ждал, когда процедура обнимания подойдёт к концу. И даже немножко похлопал дядьку в ответ – докуда достал. Ну, насколько позволял захват.

– Пайдём, дарагой, я тибя праважу! – пробасил дядька, разжимая руки. Клавдюшкин похрустел позвоночником, убедился, что вопреки всему ещё функционален, и утвердительно кивнул, – благодарю!

– Тибе нужны сааамые фкусные булочки с корицей и сааамый фкусный кофе в городе. Правильно, да? – мужик посмотрел на Клавдюшкина хитрущим взглядом и улыбнулся куда-то себе в усы.

Удивляться сил не было. И Клавдюшкин снова просто кивнул.

Изначальный хаос. Великая энтропия. То, с чего всё начиналось, и чем всё закончится.

Главный был Великой энтропией. Он был в ней, а она была в нём. Он был частью и целым. Он был ничем. И всем су-

щим. Всеми созданными и несозданными, пространством и временем, жизнью и смертью. Сидел в офисе.

Рисовал, лепил, разрабатывал сам себе техзадание. Иногда подглядывал у человеческих фантастов, получалось забавно. Воплощал. Вкладывал душу (буквально). Дрессировал ассистентов. Подбадривал кураторов. Следил за хранителями. Периодически устраивал сборы – борьба со стрессом, какая-никакая физуха, совместный труд на общее благо, и прочая, и прочая (и да, люди вчистую спёрли этот концепт).

Весь офисный планктон собирался вместе, натягивали латы, крылья, разбирали тренировочные мечи и копья. Бились азартно, во все стороны летели искры, пух, пот и перья. Обрывки формы. Обломки доспехов и оружия. На земле это называлось «и разверзлись хляби небесные». Кому достался дождь, кому град, кому гром с молнией, а кому и что похуже. Люди активно просили, чтоб пронесло (стол заказов ломился от заявок). И, как правило, проносило. Сборы заканчивались и все возвращалось на круги своя. Доблестное Небесное Воинство расходилось по своим рабочим местам.

Пару раз, правда, красивая битва переросла в некрасивую драку. С мордобоем, матом и небольшими разрушениями. Мат принадлежал в основном Главному, которому пришлось разнимать самых увлѣкшихся вручную. На земле с перепугу что-то изверглось, разлилось и осыпалось. Виновных отправили разгрести последствия.

Главный был очень занят. Сначала сидел в мастерской, выдумывал новое. Злился. Крупные формы надоели. Хотелось эстетики, чтобы как-то иначе, свежо и неизбито. И чтобы красиво вписывалось в существующую картину. Вычитал у человека про Левшу – решил тоже пока посвятить себя существам помельче. Что-то понемножку наклёвывалось. Но пока не хвастался. Вскользь проронил, что мелочёвка получилась на редкость прыткая, плодится бесконтрольно, меняется стремительно, и никакого сладу с ней нет. Приходилось дорабатывать.

Левша, к слову, был не первым идейным вдохновителем в небесной истории. Человеческой литературой в Канцелярии зачитывались. Главный, например, обожал поэзию. Классика, фантастика, детективы – переходили из рук в руки и истрёпывались до дыр. Каждый месяц один из ассистентов отправлялся на землю с одной лишь целью – отобрать лучшие литературные новинки. Иногда силой. Особым шиком считалось добыть неизданное (высший пилотаж – выхватить из камина прямо перед сожжением). Научная и теологическая литература считалась юмористической. Над теорией эволюции Дарвина хохотали всем офисом.

Расквитавшись с новым проектом, Главный занялся рутинной – наделением существ душой. Душу нужно было вдохнуть. В каждого. И это должен был сделать Главный лично – вложить в живое частичку себя. Иногда он радовался, что он и Время тоже – это существенно облегчало работу.

Душа была частичкой той самой Великой энтропии. Тем хаосом, который не давал свободе воли окончательно оборзеть и начать бесчинствовать. Страшны существа, которые по какому-то недоразумению родились без души. Темны дела их.

Душа предпочитала гнеститься в ямочке меж ключиц. В одном из земных языков попытка выдавить душу из человека так и называлась – удушение. Кусочек энтропии жил в теле до тех пор, пока тело не приходило в негодность. Тогда он выскальзывал из повреждённого вместилища и возвращался обратно к Главному.

Именно душа была тем, что не давало Клавдюшкину спокойно заниматься своими делами, а не бродить по Тбилиси ночью в сомнительной усатой компании. Именно она исполняла на струнах его нервов то джаз, то блюз, то сущую какофонию. Морочила голову. Не давала думать. Даже спать не давала. Иногда, правда, разрешала поесть. Из чисто практических соображений. Имела на Клавдюшкина виды, строила далеко идущие планы. Клавдюшкин, в принципе, не возражал.

Ему даже нравилось.

Глава 11

В то время как Небесная Канцелярия, затаив дыхание, следила за перипетиями двадцати пяти лет богатой на события Иркиной жизни, Главный с неменьшим интересом наблюдал за Иркиным суженым. Клавдюшкин был замкнут, но

при этом отчего-то нравился людям, и в его жизни тоже хватало курьёзных моментов, хотя, конечно, не тех планетарных масштабов, как у Ирки.

Как мы помним, Клавдюшкин не пил. Не из принципа. Просто ему было невкусно. Но однажды на дне рождения друга, где из безалкогольных напитков был представлен только грейпфрутовый сок, в компании созрел заговор. Всем было любопытно посмотреть, на что будет похож настоящий Клавдюшкин, если отряхнуть с него пыль цивилизованности и освободить от оков воспитания и здравого смысла. Было решено Клавдюшкина напоить. Сказано-сделано. В и без того горький сок было добавлено водки в пропорции один к одному.

Первой отказала память. Клавдюшкин, проснувшись утром в своей постели с дичайшей мигренью, в розовых женских трусах с оборочками и конфетти в волосах, понял, что вчера что-то произошло. Что-то нехорошее. Единственное, на что надеялся понемногу приходящий в себя после таблетки аспирина Клавдюшкин, так это на то, что вчера никто не был настолько трезв, чтобы снимать. Зря надеялся. Получив в личку видео, пошёл пятнами. Взмолился, чтобы никто не выложил в общий доступ. Через пару часов видео набрало на ютьюб несколько сотен тысяч просмотров. Клавдюшкин утопил телефон в туалете, не отзывался на стук в дверь и не выходил из дома.

Переосмыслил жизнь. Похудел. Осунулся. Расставил за-

ново приоритеты. Не единожды пожелал друзьям такого, что, сбудься оно, друзей пустил бы на порог не каждый зоопарк. И не всякая больница. Отрастил щетину. Показался себе изменившимся до неузнаваемости. Борода и патлы до плеч решили бы проблему конспирации, – подумал Клавдюшкин и решил пока оставить, как есть.

Сделал уборку. Пока делал, обнаружил в жилище много нового. Чужая одежда была безжалостно распихана по мусорным пакетам, горы конфетти, высившиеся вокруг кровати, сметены туда же. В карманах Клавдюшкинского пальто (и не только пальто) вдруг откуда ни возьмись завелись презервативы. Клавдюшкин воззрился на них в немом изумлении. Много, много презервативов. Целые россыпи ярких квадратиков. Можно было бы на одну ночь осчастливить целую студенческую общагу. К своему стыду, Клавдюшкин внезапно вспомнил, что это он сам же их и покупал. Единолично. За свои кровные. И вспомнил, как. Снова пошёл пятнами (второй раз получилось даже ярче). А ещё он вспомнил, что они так и негодились. Не знал, жалеть или радоваться.

Выкидывать добычу не стал, сгрёб в ящик тумбочки, где валялась всякая ненужная мелочёвка – моток изоленты, сломанная линейка, пачка бумажных салфеток, горсть канцелярских кнопок, скрепки, булавки, катушка чёрных ниток с иглой, ножницы и несмываемый маркер. Полный ящик презервативов выглядел вызывающе. Вопиюще. Клавдюшкин вдруг ощутил себя почти владельцем притона. Вспом-

нил маму, периодически являвшуюся с инспекцией. Нашёл самую толстую, тяжёлую и дурацкую с маминой точки зрения книгу, и водрузил её поверх содержимого ящика. Ящик отказался закрываться. Клавдюшкин потряс ящик, перераспределяя мелочёвку поровнее, потом чуть поднажал сверху. Что-то внутри утрамбовалось, книга осела вровень с краями ящика. И ящик закрылся.

Главный, крайне довольный собой, хмыкнул.

И ушёл заниматься другими делами.

Глава 12

Молитвы всех неверующих начинаются со слов "Господи, если ты есть,..." . Дальше обычно следует просьба. Потому что не бывает совсем-совсем неверующих людей, бывают недостаточно отчаявшиеся.

Синий автобус под номером 37 доставил Клавдюшкина и его нового знакомого, представившегося дедушкой Имеди, в центр города. Было темно. Тепло. Ночь разлилась парным молоком по спящим улицам. Одурающе пахло разогретой за день землёй, травами, собирающейся где-то за низкими облаками грозой. Детством пахло. Щемило внутри так, что слёзы наворачивались. Полночи бродили по городу и разговаривали. Клавдюшкин рассказывал, Имеди слушал. Потом менялись. Имеди улыбался в усы и смотрел хитрым глазом. Хлопал себя по коленям. Хохотал. Потом вдруг делался серьёзным, думал. Клавдюшкин поймал себя на том, что рассказывать о себе лично незнакомым людям уже начинает

входить у него в привычку.

Гроза лавиной скатилась с гор. Сначала стало очень-очень тихо. Длинная белая полоса поперёк неба вспорола ночь, и раздался грохот. Даже не так. ГРОХОТ. А потом небо упало на землю. Мчались по пустому городу. Имеди, маленький и круглый, в беге делал сухопарого и длинноногого Клавдюшкина, как стоячего. Петляли. Неслись по узеньким улочкам, куда-то сворачивали (так быстрее!), ныряли в полные непроглядной тьмой проулки и подворотенки. Вода неслась следом, рядом и впереди. Финишировали одновременно.

Ночевал Клавдюшкин у бабушки Имеди.

Гроза бушевала весь остаток ночи. Рвала крыши с домов, грызла старые деревья, искрила проводами. Бесилась. Дома было спокойно. Клавдюшкин смотрел на грозу за окном и чувствовал, что что-то в нём, прежнее, всегдашнее, привычное, отходит. Уступает место чему-то совсем новому и непонятному. И это было хорошо. Правильно это было.

Клавдюшкин сидел в маленькой пекаренке «У Буки», пил кофе, ждал и молился. Как умел. Сидел уже два дня, приходя к открытию и уходя, когда последний работник осторожно намекал, что они закрываются, и выключал свет. От количества выпитого кофе сводило живот, но Клавдюшкин боялся отойти куда-то хоть на минуту, предчувствуя, что Ирка обязательно появится именно тогда, когда он решит отлучиться.

Ирки всё не было.

Вечером второго дня Клавдюшкин сидел на маленькой

кухоньке дедушки Имеди и разговаривал с Главным. Сетовал на то, что отпустили с работы всего на неделю, а он не успел. Ничего не успел. Объяснял, что завтра вечером надо уезжать. Что завтра – последний шанс. Много чего объяснял. Сбивчиво и сумбурно. Честно. Сначала просил. Потом умолял. Умолял дать ему хоть какой-то знак. Хоть что-то, чтоб он, Клавдюшкин, знал, что всё делает правильно.

Толстый полосатый кот (один из трёх головорезов, проживающих на крохотной кухне) взгромоздился на столешницу, чтобы получить от Клавдюшкина мзду в виде почёсывания пузика. Огонёк свечи, стоявшей на столе, в ужасе отшатнулся, дрогнул и потух. Клавдюшкин бесцеремонно спихнул кота на пол и нашарил в темноте спички (электричества не было уже два дня, гроза уронила на провода огромный каштан и вся улица вернулась в тёмные века). Зажёг свечу. Свеча тут же погасла. Клавдюшкин негодуяще крикнул, выковырнул свечу из подсвечника и поставил вместо неё другую. История повторилась. И ещё раз. И ещё.

– Да что ж такое-то!

– Што случилась? – Имеди вошёл так тихо, что Клавдюшкин не заметил его и вздрогнул от неожиданности.

– Да свечи ваши не работают!

– Сафсем-сафсем не работают? – изумился Имеди.

– Совсем!

– Так может, это знак тебе, што пора спать ложиться, э?

Глаза Клавдюшкина округлились, и он с размаху плюх-

нулся на подоконник.

– Спасибо, – произнёс в никуда. Главный услышал.

– А пажалуста, – отозвался Имеди.

Глава 13

Клавдюшкин опаздывал.

Провертевшись большую часть ночи без сна, отключился под утро. Будильника не услышал. Проснулся оттого, что кто-то настойчиво тряс его за плечо.

– Вставай-вставай, дарагой, щастье сваё праспишь, – Клавдюшкин только глянул в окно и кубарем скатился с кровати. Рванулся в ванную, одеваясь на скаку. Пока натягивал майку, запутался в штанинах джинсов. Естественно, споткнулся. Естественно, с размаху приложился физиономией о дверной косяк. Естественно, нос тут же распух, глаза заплыли и под ними образовалась пара кругов нежно-лилового цвета...

– Вах! – коротко и ёмко описал полученный художественный эффект дедушка Имеди.

– Аааа, пропади оно всё пропадом! – матом сказал Клавдюшкин, вывалился на улицу. И побежал.

Ирка проснулась ни свет ни заря. Гладила котов. Бродила кругами по комнате, места себе не находила – что-то гнало её на улицу. В город. Вышла на воздух, стало легче. Ненамного, но легче. Перепад давления, – решила Ирка.

Кофе. Откуда-то пахло кофе. Ирка жила на улице Арагви, а запах кофе доносился из-за угла, из маленькой пекарни

«У Буки». Ирка пришла прямо к открытию, сдоба была свежайшей, хозяин улыбочивым, кофе – душистым и на редкость вкусным. Внезапно среди вездесущих эклеров и шу обнаружили Иркины любимые булочки с корицей. Ирка возликовала, странно начавшийся день реабилитировался прямо на глазах.

В пекаренке Ирка просидела без малого час, примостилась на жёрдочке у окна и просто смотрела на прохожих. За стеклом, как рыбки в аквариуме, туда-сюда прогуливались смешные влюблённые парочки, неспешно брели по своим делам степенные беловолосые старцы, стремглав неслись куда-то лохматые большеглазые мальчишки, вальяжно раскинувшись, возлежали на тёплом камне тротуара мохнопузые коты. Каждый раз, когда открывалась дверь пекарни, внутрь вихрем врывались звуки улицы – обрывки разговоров, птичий гомон, звяканье велосипедных звонков. Ирка решила пойти на реку. Взяла ещё один кофе, булочку в бумажном пакете засунула в карман кофты и направилась к выходу.

Григорий Петрович стоял по центру комнаты и рассматривал заставленные книгами стеллажи. Они с Клавдюшкиным договорились, что Григорий Петрович постережёт квартиру, пока хозяин отсутствует. Иркин папа был только рад – завзятый читатель, он уже предвкушал длинные вечера, проведённые за любимым занятием.

Вытянул с полки увесистый том. И, осматриваясь в поисках места, где можно было бы осесть с добычей, заметил тор-

чашую из-под кровати книгу. Книга «Алгоритмы. Построение и анализ» была огромной, толстой и тяжелой. Что она делала под кроватью, было совершенно непонятно – Клавдюшкин ничуть не походил на человека, любящего читать в постели. Григорий Петрович пожал плечами. Увидел открытый ящик тумбочки, где, должно быть, лежал сей почтенный фолиант. И выдвинул ящик полностью...

Из ящика на Григория Петровича недобро уставились три десятка презервативов. Три десятка квадратиков, ошетилившихся мелкими стальными шипами. Иркин папа запустил руку в ящик и выудил оттуда одного такого стратегического ежа. С тыльной стороны колючую упаковку украшали обыкновенные канцелярские кнопки... Григорий Петрович перевернул книгу – вся обложка сзади была испещрена крохотными оспинками – следами от иголок.

– Орригинаально, – задумчиво протянул Иркин папа.

Верующие от неверующих отличаются в основном тем, что просьбы от первых поступают в Небесную Канцелярию не просто ежедневно, а по нескольку раз на день – сначала по традиции просят еды, защиты и не соблазнять. Потом переходят к более личным просьбам. Неверующие же чувствуют себя немножко изгоями, немножко бунтарями, и просить решаются только в крайнем случае, по очень большой необходимости. Все эти просьбы поступают прямо на рабочий стол Главному. В Канцелярии его уже в шутку давно переименовали в Стол Заказов.

Главный разбирал Стол и разговаривал с Анхелем (Главный всех ассистентов называл в зависимости от настроения – Анхель, Анжело, Анжела и Геля. Сейчас, судя по всему, настроение было насквозь рабочим).

– Вот скажи мне, если кто-то приготовил суп и разлил его всем по тарелкам, суп в тарелках будет таким же, как и в кастрюле? – вопрошал Главный. Анхель, не понимая, к чему Главный ведёт, и от этого немножко нервничая, отвечал уклончиво...

– Ну, это с какой стороны посмотреть... Ощущение вкуса может меняться в зависимости от глубины посуды, от материала, да даже от формы ложки...

– Да с какой стороны ни смотри! – перебил Главный, – Суп, это суп и есть! Будь он в кастрюле, в тарелке, в ложке или во рту! Это – суп.

– А когда переварится, то вроде бы уже и не совсем... – от Главного вдруг запахло озоном, воздух вокруг него начал сгущаться и искрить.

– Может я, это, пойду? – робко предложил осознавший, что ляпнул что-то не то, Анхель...

– Иди уж, подобру-поздорову...

Дверь за ассистентом давно закрылась, а Главный всё ещё продолжал недовольно потрескивать.

– Ну, вот и на кой ляд они все норовят своей ложкой мимо тарелки – да в кастрюлю?...

Главный не очень любил разбирать Стол. Вообще не лю-

бил. Каждый раз это занятие казалось ему бессмысленным. Зачем, спрашивается, нужно было вкладывать в каждого душу, кусочек себя... Можно сказать, предоставить каждому своего личного полномочного представителя. Всячески напоминать про образ и подобие... Зачем? Чтобы что? Чтобы Главному потом приходилось разгребать горы корреспонденции с просьбами из разряда «Мама, принеси мне из шкафа конфетку, мне лень вставать»?

Изначально стол задумывался, как возможность обратиться к Главному напрямую, когда ситуация сложна и запутана настолько, что своими силами её никак не решить. А получилось всё, как всегда...

Раздосадованный Главный выудил из кучи записку со знакомой формулировкой (последние лет пять Григорий Петрович любое обращение заканчивал фразой: «и внуков»). Улыбнулся. И переложил записку в папку «сделано».

Ирка и Клавдюшкин столкнулись в дверях кафе. Просто стояли и смотрели друг на друга. Молча. А потом всё вокруг вдруг потемнело и перестало быть.

Глава 14 (и самая короткая)

Ирка приподнялась на локте. Осмотрелась. Постель не была лучшим наблюдательным пунктом, с неё можно было разглядеть только книжные стеллажи, разбросанную одежду. Зеркало. И Клавдюшкина, мирно сопящего рядом.

Свесившись с кровати, обнаружила открытый ящик тумбочки и книгу. «Алгоритмы. Построение и анализ.»

Тихонечко оделась и направилась к зеркалу, нашаривая в сумочке тушь.

– Даже не думай, – раздался сонный, но очень решительный голос.

– Я только ресницы накрасу, – буркнула Ирка.

– И в Грузию едем вместе, я тебя с дедушкой Имеди познакомлю...

– А я тебя – с папой, он, кстати, скоро придёт... Ты ему обязательно понравишься.

– Знаю. Уже. Взаимно.

Когда раздался стук в дверь, Ирка, Клавдюшкин и Григорий Петрович сидели на кухне, пили чай и искоса поглядывали друг на друга.

– Кажется, мама приехала... – упавшим голосом доложил Клавдюшкин.

– Мама – это не страшно. Маму я беру на себя, – заявил Григорий Петрович и пошёл к дверям встречать вторую большую любовь всей своей жизни.

Иркин куратор явился к Главному с просьбой на перевод.

– Уверен? Хранители – работа спокойная, ни адреналина тебе, ни карьерного роста. Да и Земля опять же – сыро, холодно... оно тебе надо?

– Имеди заходил недавно в офис. Рассказывал разное из жизни. Говорит, нравится ему, интересно. Имя красивое себе выберу, – размечтался куратор.

– Да и должен же кто-нибудь присмотреть за этой трои-

цей, – сказали хором.